

Это было предсмертное письмо, написанное Бай Муюнем два года назад. Тогда, заживо погребенный под обломками после землетрясения, в тисках абсолютного отчаяния, он прокусил палец и вывел эти строки.

В те минуты он вспоминал родных и друзей одного за другим. У каждого была своя жизнь, близкие люди и любовь; за них не стоило переживать, о них не нужно было печься.

И когда круг замкнулся, он наконец позволил себе то, о чем прежде боялся даже помыслить, — он думал о Лу Яне.

Раз уж конец близок, каждая мысль о нем была бесценным сокровищем.

Бай Муюнь гадал: где сейчас Лу Янь? Как он живет? Бьет ли его до сих пор отец? Если да, то он надеялся, что теперь-то Лу Янь найдет в себе силы дать отпор.

Интересно, хорошо ли Цзинь Фэйфэй заботится о нем? Она никогда не казалась человеком, способным на нежность. Сможет ли она понять Лу Яня, не будет ли вечно злиться по пустякам?..

Поженились ли они? Есть ли у них дети?

Наверное, они счастливы. Простая жизнь, смена времен года — как можно быть несчастной, когда рядом Лу Янь?

«Цзинь Фэйфэй, должно быть, в прошлой жизни спасла мир, раз в этой ей досталась любовь Лу Яня», — горько думал он.

Размышляя об этом, Бай Муюнь едва сдерживал слезы.

Вспомнит ли его Лу Янь хоть изредка? Цветущей весной, ветреным летом, дождливой осенью или снежной зимой?

Расстроится ли он, узнав о его смерти? Хотя на мгновение?

Будет ли он вести за руку своего ребенка и рассказывать: «Когда-то у папы был один очень, очень хороший друг по имени Бай Муюнь»?

В тот последний час Бай Муюнь окончательно признался себе: Лу Янь был его самой глубокой привязанностью. Он вытянул из-под завалов какое-то полотенце и, обмакивая палец в сочащуюся кровь, написал это завещание. Он оставлял Лу Яню всё свое состояние, веря, что семья поймет и исполнит его волю.

На самом деле в этом жесте крылся коварный умысел. Он хотел, чтобы Лу Янь помнил его всю жизнь. Пусть вспоминает и грустит — совсем чуть-чуть, ровно столько, чтобы образ не стерся из памяти. Большого он не желал, не хотел причинять ему истинных страданий.

— Я написал это во время землетрясения, — глухо произнес Бай Муюнь. — Моя любовь к нему не прекращалась ни на секунду. Ни двенадцать лет назад, ни после расставания, ни сейчас. Я никогда не отпускал Лу Яня. Просто... я так и не набрался смелости его разыскать.

Цзинь Фэйфэй была потрясена. Она опустила голову и шмыгнула носом.

— Я проиграла. Вчистую. Лу Янь не ошибся в своем выборе, и его мужество не пропало даром.

Сделав глоток кофе, она медленно продолжила:

— Двенадцать лет назад, когда ты уехал в город Б на олимпиаду по физике, кто-то донес, что Лу Янь завел «запретные отношения». Причем с мужчиной.

Бай Муюнь застыл.

— Нас сдали?

— Да. Были фотографии, где вы целовались. Свет падал так, что лицо Лу Яня было отчетливо видно в профиль, а твое — размыто. Тот доносчик тебя не узнал, но Лу Яня опознали сразу.

— Однако классная руководительница все поняла. Вы всегда были неразлучны, к тому же она знала каждого из нас как облупленного. Ей хватило одного взгляда.

— Она собиралась дождаться твоего возвращения, чтобы вызвать родителей и устроить разбор. Лу Янь на коленях умолял её ничего тебе не говорить. Просил не впутывать родителей — понимал, что тогда об этом узнает вся школа. Обещал, что расстанется с тобой, что сам во всем разберется.

— Поначалу она и слушать не хотела. В те годы к подобному относились не так терпимо, как сейчас. Тогда это считалось дикостью, извращением. И вот Лу Янь... он стоял перед ней на коленях. Склонил голову, забыв о гордости, и умолял не губить твое будущее. Я видела это из окна кабинета — видела, как он рыдал, разбивая лоб о пол. Я плакала вместе с ним, но ничем не могла помочь. В конце концов она сдалась и пообещала молчать.

Бай Муюнь словно воочию увидел того семнадцатилетнего Лу Яня. Гордого юношу с лучистой улыбкой, который так любил цитировать строки о великих свершениях и попутном ветре. Того, кого он сам так оберегал и баловал. И этот мальчишка стоял на коленях, смилив свой надменный нрав, дрожа от страха и унижения — и всё ради него.

— Почему... почему вы скрыли это от меня? — Бай Муюня полоснуло резкой, нестерпимой болью в сердце.

— Позже я спросила его об этом. Он ответил, что ты — будущий актер, лучший ученик, перед тобой открыты все дороги. Актер — профессия публичная, на твоей репутации не должно было быть ни единого пятна. А в глазах общества такая связь была клеймом на всю жизнь.

— Лу Янь надеялся, что это лишь временная мера. Думал, что сможет найти способ держать дистанцию, не раскрывая правды, и при этом не потерять тебя насовсем. Но тут вмешался его отец.

— Никто не знает, как Лу Шэньянх пронюхал об этом. Возможно, слухи все же поползли. Он был психически болен и постоянно срывался на сыне. Знаешь, почему Лу Янь никогда не давал сдачи?

— Почему?..

— Мы все знали, что его мать умерла, когда он был маленьким. Но мы не знали, что Лу Янь винил в этом себя, — Цзинь Фэйфэй вытерла слезы. — Несколько лет назад я услышала правду от его двоюродной сестры.

— В детстве Лу Янь как-то вечером уговорил маму пойти за мороженым. В темном переулке на них напали. Грабитель не ограничился деньгами, он хотел чего-то большего. Мать пыталась защитить сына, завязалась борьба, и ее ударили ножом. Преступник скрылся, и Лу Янь... он смотрел, как мать умирает у него на руках.

— Вот почему он, не раздумывая, закрыл меня от ножа тогда, в театре. Это была мгновенная реакция.

Бай Муюнь закрыл лицо руками, не в силах вымолвить ни слова.

— Шок был настолько велик, что у него случилась частичная амнезия. После смерти жены Лу Шэньянх окончательно лишился рассудка. Он вымещал всё безумие на сыне, раз за разом заставляя его вспоминать ту ночь и внушая, что это он убил мать. Каждые побои сопровождались этим жестоким вопросом: «Вспоминай, как она умерла из-за тебя!»

— Лу Янь верил ему. Он не сопротивлялся, считая боль своей искупительной жертвой, своим долгом перед покойной матерью.

— Первый раз он восстал против отца только из-за тебя.

— Когда Лу Шэньянх узнал о вашей связи, он избил сына до полусмерти, требуя, чтобы тот бросил тебя. Угрожал, что если Лу Янь не подчинится, он опозорит тебя на весь мир, выставив

«извращенцем». Лу Янь сдался. В отчаянии он пришел ко мне и умолял подыграть ему.

— В день вашего расставания в кармане Лу Яня лежал телефон с включенным вызовом. Ты не заметил, но отец наблюдал за вами издалека.

— А потом Лу Шэньян увидел камеру, которую ты подарил Лу Яню, и разбил ее прямо у него на глазах. Тогда Лу Янь впервые набросился на него. Они сцепились в яростной драке, и он...

— Цзинь Фэйфэй запнулась. — Он едва не убил отца.

Бай Муюнь мелко задрожал.

— И что было дальше?

— Я пришла к нему как раз вовремя. Случайно помешала случиться непоправимому. Вызвала скорую, и их обоих увезли в больницу.

— Спасибо тебе.

Цзинь Фэйфэй покачала головой.

— Я и сама рада, что успела. Они пролежали там неделю. Я навещала Лу Яня, уже тогда он был сам не свой, но я списала это на шок. Думала, пройдет.

— Потом их выписали. Я рассказала Лу Яню, что ты уезжаешь. Двенадцатого мая он выскочил из дома, надеясь перехватить тебя, но не заметил, что безумный отец бежит следом с ножом в руках...

— Лу Янь успел запрыгнуть в автобус. Я осталась на остановке и видела, как Лу Шэньян в приступе неистовства начал бросаться на прохожих. Я в панике позвонила Лу Яню... — она всхлипнула. — Лучше бы я этого не делала. Он взял трубку и увидел всё из окна автобуса.

— Он видел, как отец зарезал человека, и видел, как полиция застрелила его самого прямо на глазах у толпы... — Цзинь Фэйфэй закрыла лицо руками и зарыдала. — После этого жизнь превратилась в ад. За его спиной шептались, что он «сын маньяка», от него шарахались как от чумного. А тут еще всплыла история про его ориентацию. Ему писали гадости, называли больным, извращенцем... Всё навалилось разом. Психика не выдержала. У него диагностировали тяжелую депрессию и посттравматический синдром. Состояние было критическим.

— Он перестал ходить в школу. Появился только на самих экзаменах.

Глаза Бай Муюня покраснели. Сердце Бай Муюня сжималось от невыносимой горечи при

мысли о том, через что пришлось пройти Лу Яню в одиночку. Шрамы на запястьях, которые он видел, теперь обрели жуткий смысл.

— Признаюсь, поначалу я радовалась вашему разрыву. Думала, время залечит раны, и я смогу занять место в его сердце. Но я ошибалась. Даже в самом тяжелом бреде он звал только тебя. Только ты мог вытащить его из этой бездны.

— Он много раз пытался покончить с собой. И каждый раз, когда я спасала его, на самом деле это делал ты.

Бай Муюнь вскинул голову, в его взгляде застыл ужас.

— Покончить... с собой?

— Да, — Цзинь Фэйфэй задрожала, вспоминая те дни. — Первый раз это случилось на втором курсе. Он жил один. Я знала, что он причиняет себе боль, поэтому у меня был дубликат ключей — на всякий случай.

— В тот день я вошла в квартиру и увидела его на подоконнике. Он плакал, глядя куда-то в пустоту... Я едва стояла на ногах. Я редела, умоляла его слезть, но он будто не слышал. Просил не подходить, говорил, что больше не хочет быть обузой, что хочет просто... уйти. Сказал, что смерть не так страшна, как кажется, и он просто ищет покоя.

— Я не знала, что делать. Я умирала от страха, что он сделает шаг прямо у меня на глазах. Он не слушал никаких доводов. Сказал только: «Не бойся, я просто перехожу в другое место».

Бай Муюню стало трудно дышать. Страх, словно колючая проволока, стянул грудную клетку.

— И тогда я вспомнила о тебе. Поняла, что ты — единственная нить, которая держит его в этом мире.

— «Лу Янь! Не смей! Умоляю... Бай Муюнь! А как же Бай Муюнь?! Ты что, забыл о нем?!»

Лу Янь замер. Улыбнулся — горько, надломленно, словно марионетка.

«Он ушел... Он никогда не узнает. Погрустит немного и найдет кого-то получше».

— «Нет! Слышишь, нет никого лучше! Если тебя не станет, Бай Муюнь этого не переживет! Подумай о нем! Если он узнает, что ты умер после того, как он тебя оставил, это убьет его... Понимаешь? Ты хочешь, чтобы ему было больно? Хочешь?!»

— «Он будет плакать?»

— «Будет! Ему будет очень, очень плохо!»

Лу Янь разрыдался:

«Всё пройдет... Боль со временем утихнет. Сяо Бай справится без меня. Я просто уйду, забираю этих людей с собой, чтобы они больше не приходили за мной... Мы расстались, он наверняка меня ненавидит. Моя смерть его не тронет...»

— «Нет, Лу Янь! Не говори так!» — я просто рухнула на пол. — «Неужели ты забыл, как сильно он тебя любит? Ты правда думаешь, что он не сломается так же, как ты?!»

Ветер трепал его одежду, он казался таким хрупким, будто вот-вот растворится в воздухе. Он уже подался вперед, внизу начала собираться толпа, кто-то указывал пальцем...

Вдруг из какой-то квартиры донесся звук телевизора — передавали новости шоу-бизнеса, репортаж с премии «Золотой кипарис». Это меня осенило. Я схватила телефон, открыла твой микроблог и закричала:

«Лу Янь! Смотри! Сегодня церемония, Бай Муюнь там! Разве ты не хочешь увидеть его? Не хочешь узнать, получит ли он свою первую награду?!»

Лу Янь замер. Обернулся, глядя на экран телефона.

«Сяо Бай... награда...»

— Я говорила только о тебе: что ты выложил, что пишут фанаты, как хвалят твой новый фильм... Тянула время, пока спасатели не подобрались к нему.

— С тех пор я следила за ним еще пристальнее. Несколько раз успевала остановить его в последний момент. С годами ты стал появляться на экранах всё чаще, и это его удерживало. Он начал ходить к врачу, хотя болезнь то отступала, то возвращалась с новой силой.

Цзинь Фэйфэй глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться.

— Последние три года были стабильными. Если не считать тех дней, когда он чуть не сошел с ума, узнав о твоём ранении при землетрясении.

Она вымученно улыбнулась:

— После того твоего случая в нем что-то переменилось. Словно внезапно появилась цель. Он сказал, что должен быть рядом. Чтобы, если ты снова пострадаешь или тебе станет грустно, он мог оказаться рядом в ту же секунду.

— Врачи говорят, это добрый знак. У него появился смысл жизни, а значит — и воля к ней.

<http://bllate.org/book/18159/1759640>